

DOI: 10.7868/S0321039117040021

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА IV – I вв. до н.э.)

М. В. Корольков

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
maximkorolkov@hushmail.com

Аннотация. В статье рассматривается формирование налоговой системы древнекитайских империй Цинь и Хань в контексте политической и экономической истории IV–I вв. до н.э. Циньская фискальная модель, сложившаяся в середине эпохи Чжаньго (453–221 гг. до н.э.), была направлена на интенсивное извлечение ресурсов из сравнительно ограниченной территориально налоговой базы через сбор натуральных налогов и мобилизацию труда подданных. Эта система была эффективным механизмом финансирования циньских завоевательных кампаний IV–III вв. до н.э., однако ее функционирование было связано с высокими издержками надзора, а также исключало возможность фискального компромисса с местными элитами. В течение века после гибели циньской империи в 207 г. до н.э. произошла вторая налоговая трансформация, приведшая к складыванию механизмов и принципов налогообложения, продолжавших действовать на протяжении большей части последующей двухтысячелетней имперской истории Китая.

Ключевые слова: налогообложение, налоговая система, трансформация, Цинь, Хань, древнекитайская империя, монетизация, трудовая повинность

FISCAL SYSTEM IN THE FORMATIVE PERIOD OF THE ANCIENT CHINESE EMPIRE (LATE FOURTH – FIRST CENTURIES B.C.)

Maxim V. Korolkov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
maximkorolkov@hushmail.com

Abstract. The article analyses the formation of the fiscal system in the early Chinese empires of Qin and Han against the background of political and economic history of fourth to first centuries

¹ *Данные об авторе.* Максим Владимирович Корольков – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

B. C. The Qin fiscal model took shape in the middle of the Warring States period (453–221 B.C.) and featured a number of in-kind taxes and labour levies to maximize resource extraction from a relatively circumscribed fiscal base. This system proved itself as an efficient mechanism through which the Qin campaigns of conquest were financed during the fourth and third centuries B.C., but its functioning was associated with high monitoring costs and ruled out fiscal compromise with local elites. In course of the century that followed the collapse of the Qin Empire in 207 B.C., the second fiscal transformation took place, which resulted in the development of fiscal principles and techniques that endured for the next two millennia of China's imperial history.

Keywords: Taxation, tax system, transformation, Qin, Han, early Chinese empires, monetization, labour levies

Древнекитайская империя сформировалась в результате завоевательных кампаний, начатых государством Цинь в середине IV в. до н.э. и завершенных в 221 г. до н.э. с падением последнего из царств – соперников Цинь и провозглашением циньского правителя, носившего к тому времени титул *вана*, императором. На протяжении более чем ста лет материальные и людские ресурсы для почти непрерывных войн, ведшихся циньским государством, извлекались через систему налогов и повинностей, сложившуюся на протяжении IV в. до н.э., в особенности в период реформ циньского государственного деятеля Шан Яна (Гунсунь Яна, ум. 338 г. до н.э.). Изначально вызванные необходимостью повысить эффективность военного аппарата для противостояния более экономически развитым и густонаселенным государствам – восточным соседям Цинь, эти преобразования ставили во главу угла военную и трудовую мобилизацию подданных и прямые налоги, собиравшиеся натурой. Важным компонентом финансовой стратегии Цинь было создание на завоеванных территориях зон интенсивного сельскохозяйственного производства, в которых в предельно сжатые сроки осуществлялся детальный централизованный учет базы для налогообложения и повинностей: населения, обрабатываемых земель и имущества домохозяйств. Еще одной характерной чертой циньских финансов был высокий уровень волатильности государственных расходов, что приводило к обилию чрезвычайных сборов и отсутствию фиксированной ставки земельного налога как определенной доли от номинального среднего урожая. Циньские правители также опирались на обширный государственный сектор экономики, в рамках которого организация производства и распределение продукции осуществлялись напрямую государством.

Основными проблемами циньской фискальной системы были высокие издержки надзора за ее функционированием и материальные издержки, связанные с трудовыми мобилизациями и необходимостью содержать большие контингенты подневольных работников (прежде всего каторжников и мобилизованных на повинность земледельцев), а также ограниченная эффективность механизмов для перемещения ресурсов. Стратегия, сочетавшая максимизацию сборов с интенсивным надзором за территориально ограниченной налоговой базой, оказалась неподходящей для извлечения ресурсов из огромных территорий, завоеванных циньскими армиями в последнее десятилетие эпохи Сражающихся царств (Чжаньго, 453–221 гг. до н.э.) накануне провозглашения единой империи. Эти ресурсы, как людские, так и материальные, остались в значительной степени «сокрытыми» от центральной власти и доступными для ее противников, прежде всего уцелевших элит уничтоженных циньцами царств, и были использованы во

время антициньского восстания после смерти основателя империи в 210 г. до н.э. С образованием империи Западная Хань (202 г. до н.э.— 9 г.н.э.) ревизия циньской налоговой системы привела к возникновению нового налогового режима, обеспечившего компромисс между государством и местными элитами, который стал предпосылкой длительного и стабильного существования империи.

В статье рассматриваются ключевые элементы и принципы раннеимперской налоговой организации, возникшие в результате двух «налоговых трансформаций»: первой, связанной с извлечением ресурсов для финансирования циньских завоеваний, и второй, имевшей место после падения империи Цинь. Исторически связанные друг с другом, циньская и ханьская налоговые модели воплотили набор фискальных инструментов, которые в различных комбинациях использовались последующими имперскими и региональными режимами на протяжении истории императорского Китая и оказались востребованными даже после падения монархии в 1911 г.

В отличие от налоговой системы зрелой западноханьской империи (начиная с периода правления императора У-ди, 141—87 гг. до н.э.), сравнительно подробно описанной в традиционных источниках, прежде всего в официальной истории этого периода *Ханьшу* («Записи о Хань»), об организации налогообложения в первые десятилетия Хань и в особенности в царстве и империи Цинь было известно довольно мало¹. Ситуация изменилась после массовых находок аутентичных циньских и ханьских документов на бамбуковых планках и деревянных дощечках, датируемых концом IV в. до н.э. — III в.н.э.² В их числе были обширные выдержки из циньского и раннезападноханьского законодательства, подлинники и копии административных документов, в том числе напрямую связанных со сбором различных налогов и трудовыми повинностями.

Радикальное обновление источниковой базы позволило не только более точно определить различия между принципами и практиками налогообложения в государстве Цинь эпохи Чжаньго, с одной стороны, и в западноханьской империи, с другой, но и проследить динамику изменений на протяжении восьми десятилетий, разделявших окончание циньских завоеваний и воцарение западноханьского императора У-ди. Логика этих преобразований может быть восстановлена только на основании реконструкции и изучения циньской модели налогообложения.

Подобный подход, на наш взгляд, имеет то преимущество перед уже существующими концептуализациями истории налогообложения в древнекитайских империях, что он позволяет соотнести налоговые преобразования с фундаментальными проблемами государственного строительства, в значительной степени сохранившими свою актуальность и в последующие периоды, такими как территориальная удаленность налоговой базы от мест потребления налоговых поступлений; отношения между центральной властью, ее агентами на местах — провинциальными чиновниками — и местными элитами; поддержание баланса между опорой на рынки в процессе

¹Объективным состоянием источниковой базы объясняется то, что исследователи налогообложения в древнекитайских империях вплоть до 1980-х годов концентрировали свое внимание в основном на ханьской эпохе: см., например, Watanabe 2010 (монография объединяет статьи, опубликованные в основном до начала 1980-х годов); Kudrin 1979, 66—89. В монографиях, специально посвященных циньской империи, тема налогообложения не могла быть обойдена, однако авторы, как правило, признают недостаток надежных материалов для ее изучения. См., например, Perelomov 1962, 111—118.

²Подробнее о древнекитайских текстах на бамбуке и дереве, хронологии их обнаружения, тематике и проблемах, связанных с их изучением, см., например, Giele 2003, 409—438; Li 2005; Korolkov 2016, 759—767.

сбора, конвертации и распределения налоговых поступлений, с одной стороны, и поддержанием автономии государственной власти от состояния товарно-денежной экономики и ее участников, с другой. Не предполагая заведомо, что налоговая система создавалась и функционировала в интересах тех или иных господствующих социальных групп³ или что основной и неизменной мотивацией налоговой политики центральной власти была борьба с чрезмерным усилением и обогащением местных чиновников, отвечавших за сбор налогов⁴, мы рассматриваем налоговые трансформации IV—I вв. до н.э. как «рациональные» ответы циньских и ханьских правителей на те вызовы, с которыми они сталкивались в процессе формирования и становления империи. При этом «рациональность» подразумевала не только максимизацию налоговых поступлений, но и другие соображения, связанные с сохранением и укреплением государства, такие как создание коалиции местных элит, поддерживающих центральную власть, путем привлечения их к участию в распределении налоговых поступлений⁵. Представления о сообразности тех или иных принципов и институтов налогообложения этой общей цели менялись в связи с рассматриваемыми в статье историческими обстоятельствами, как менялась и макроэкономическая обстановка, в которой принимались решения. В связи с этим вместо того, чтобы, скажем, констатировать монетизацию налоговых сборов как «объективную» тенденцию развития системы налогообложения, мы рассматриваем обстоятельства такой монетизации в древнекитайских империях и приходим к выводу, что процесс не был ни «объективным», ни необратимым. Это подтверждается дальнейшей историей налогообложения в имперском Китае, для понимания которой изучение соответствующего опыта древних империй Цинь и Хань имеет большое значение.

ПЕРВАЯ НАЛОГОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ФИНАНСИРОВАНИЕ ЦИНЬСКОГО
ИМПЕРСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА IV – III в. до н.э.)

Предпосылки налоговых преобразований в царстве Цинь

После того как правящий дом Чжоу был вынужден покинуть свои исконные владения в бассейне реки Вэй и переместить столицу в Лоян в 770 г. до н.э., экономический и политический центры чжоуского мира также сместились на восток. Новые государственные образования формировались на Великой Равнине

³ Такая презумпция характерна для исследований, создававшихся в рамках марксистской историографии: см., например, Perelomov 1962, 116–118; Kudrin 1979, 66–89.

⁴ Ср., например, Lewis 2015, 282–307.

⁵ Теория рационального выбора, принятая в экономических и социальных науках, была адаптирована к изучению налогообложения в рамках так называемой «новой истории налогообложения», начало которой положили исследования Й. Шумпетера, посвященные становлению «налогового государства» (Steuerstaat) в Европе в Раннее Новое время (см. Schumpeter 1991). Исследователи, в частности, уделяют внимание соотношению различных модальностей налогообложения (например институционально-рыночной, когда налоги трактуются как оплата услуг государства по предоставлению обществу эффективных экономических и правовых институтов; социолого-демографическая, когда динамика налогообложения рассматривается как результат демографического «перепроизводства» элиты, ведущего к растущей конкуренции за доступ к налоговым поступлениям и в конечном счете к фискальному кризису) в рамках конкретных налоговых систем, а также механизм принятия решений, отвечающих этим модальностям. О применении подходов «новой истории налогообложения» в изучении налоговых систем древности и средневековья см. Monson, Scheidel 2015, 3–27.

и на территории Шаньдунского полуострова, здесь же развивались новые формы экономической и административной организации. Чжоуская прародина в Гуаньчжуне (бассейн нижнего течения реки Вэй), опустошенная вторжениями земледельческо-скотоводческих племен *жунов*, постепенно перешла под контроль государства Цинь, которое изначально возникло на возвышенностях восточной части современной провинции Ганьсу и приступило к экспансии в верхнем бассейне Вэй в конце VIII в. до н.э.⁶

Установив контроль над Гуаньчжуном и эпизодически совершая военные походы к востоку от великой излучины Хуанхэ, Цинь тем не менее оставалось сравнительно второстепенным игроком на политической арене эпохи Весен и Осеней (Чуньцю, 770—453 гг. до н.э.)⁷. Сохранившиеся данные о налоговых преобразованиях в чжоуских государствах этого периода в целом соответствуют историографической традиции об отсталости Цинь. Например, первое упоминание о поземельном налоге в Цинь относится к 408 г. до н.э. (*Shiji* 15.708), на два столетия позже, чем этот налог был введен в государствах Ци и Лу в Шаньдуне.

Помимо периферийного географического местоположения и сравнительно ограниченного участия в военном противостоянии между чжоускими государствами, стимулировавшем фискальные преобразования, еще одной причиной отставания Цинь в этой области, вероятно, были топографические характеристики бассейна Вэй. Гуаньчжун представляет собой речную долину площадью около 36 тыс. кв. км, окруженную малонаселенным плато, земледельческое освоение которого стало возможным только после широкого распространения железного плуга во второй половине эпохи Чжаньго. Таким образом, этот регион предоставлял возможность для относительно эффективного прямого контроля над населением путем мобилизации рабочей силы. В отличие от государств Великой Равнины, в особенности возникших после распада могущественного царства Цзинь государств Вэй, Хань и Чжао, земельные владения которых были изначально разбросаны, что требовало выработки механизмов для повышения эффективности сбора, концентрации и распределения налоговых поступлений⁸, циньские правители начала Чжаньго не испытывали острой необходимости пересматривать традиционную модель налогообложения, основанную на поступлениях с земель правящего дома, подношениях со стороны местной знати и периодических мобилизациях подданных на трудовую повинность⁹.

⁶ Ранняя история Цинь кратко изложена в ряде недавних работ: см. Zhao 2014, 53–70; Teng 2014, 71–112; Deopik, Ul'yanov, Tseluyko 2016, 860–863.

⁷ Впечатление об «отсталости» и «политической второстепенности» Цинь в эпоху Чуньцю могло отчасти проистекать из необъективности дошедшей до нас историографической традиции, в центре внимания которой находились восточные государства чжоуского мира, тогда как Цинь было расположено на его западной окраине. Однако рассматриваемые ниже сведения о налоговых преобразованиях подтверждают, что соответствующие реформы проводились в Цинь со значительным отставанием и от государств, расположенных на Великой Равнине и в Шаньдуне.

⁸ Цзинь было наиболее могущественным государством северного Китая в эпоху Чуньцю. Его правящий дом постепенно пришел в упадок в VI в. до н.э., что привело к череде внутренних конфликтов и войн между могущественными родами этого царства и его расколу на три новых государства к середине V в. до н.э.

⁹ Поскольку в источниках отсутствуют сведения об организации налогообложения в Цинь до конца V в. до н.э., приведенный здесь список механизмов централизованного извлечения ресурсов носит гипотетический характер и основывается на том, что известно о соответствующих механизмах эпохи Западное Чжоу. См. Li 2008, 158–159.

Однако с конца V в. до н.э. циньцы были вынуждены включиться в борьбу между «сражающимися царствами» в ответ на вызов со стороны самого могущественного из них, Вэй, занявшего земли к западу от Хуанхэ и напрямую угрожавшего циньскому Гуаньчжуну. Возросшие военные расходы потребовали реформы государственных финансов. Несмотря на то, что циньский реформатор Шан Ян прежде служил в Вэй и привнес в Цинь многие административные достижения его восточных соседей, циньская налоговая система существенно отличалась от фискальной организации государств Великой Равнины и Шаньдуна и несла на себе заметный отпечаток собственно циньской традиции централизованного извлечения ресурсов. Рассмотрим ее основные черты, а затем обратимся к ее судьбе после окончания завоеваний и провозглашения империи Цинь в 221 г. до н.э.

Налоговая модель царства Цинь эпохи Чжаньго

Фрагменты циньских анналов, сохранившиеся в традиционных письменных памятниках, позволяют реконструировать процесс налоговых нововведений в Цинь. Земельное налогообложение было впервые введено в 408 г. до н.э. (*Shiji* 15.708). Официальные рынки были учреждены в 378 г. до н.э., что, видимо, сопровождалось введением налога на торговлю на них (*Shiji* 6.289)¹⁰. Первая перепись населения была проведена в 375 г. до н.э., но введение подворных списков и организация дворов в пятки относится к середине IV в. до н.э. и приписывается Шан Яну¹¹.

Темп фискальных преобразований ускорился при Сяо-гуне (362–338 гг. до н.э.) и его главном советнике Шан Яне. Земельная перепись, ставшая основой для повсеместного поземельного налогообложения, была впервые проведена в 350 г. до н.э. (*Shiji* 5.203, 15.723). Через два года был впервые собран новый налог *фу* 賦, часто отождествляемый с подушной податью *коуфу* 口賦¹². Последняя, впрочем, ни разу не упоминается в циньских источниках, которые сообщают только о подворной подати *хуфу* 戶賦 (*Shuihudi*, 132, slip 165). Происхождение и природа циньского налога *фу* будут рассмотрены ниже, однако можно с уверенностью утверждать, что этот сбор изначально отличался от ханьской подушной подати, собиравшейся в денежной форме, поскольку литье монеты в Цинь началось более чем через десять лет после введения *фу*. Ниже рассматриваются основные составляющие циньской налоговой системы с целью определения принципов ее функционирования.

¹⁰ Согласно сохранившемуся фрагменту циньского «Статута о заставах и рынках» (*гуань ши люй*) 2-й пол. III в. до н.э., торговцы обязаны были устанавливать на своих прилавках специальные короба, в которые поступала плата за товары (см. *Shuihudi*, 42–43, slip 97; Hulsewé 1985, 56–57). Можно предположить, что это делалось с целью дальнейшего налогообложения прибыли. Лучше сохранившийся ханьский статут «О заставах и рынках» упоминает другие формы государственного регулирования рыночной торговли: установление стандартов для некоторых товаров (ткани) и систему взаимной ответственности за неуплату рыночного сбора в рамках «пятков» (*у*) и торговых рядов (*ле*). См. *Zhangjiashan*, 194–197, slips 258–263; Barbieri-Low, Yates 2015, 2, 722–723.

¹¹ *Shiji* 6.289. О введении подворной регистрации в 356 г. до н.э. в ходе реформ Шан Яна см. *Shiji* 68.2230.

¹² *Shiji* 5.203, 15.724. О тождественности этого сбора и подушной подати ханьских источников см., например, Sun 2004, 354.

1. *Поземельное налогообложение.* Земельный налог был основой финансовой системы империй Цинь и Хань и изначально взимался в двух формах: зерном и сеном и соломой. Последние использовались в качестве фуража и строительного материала, а также при изготовлении подстилочных материалов для зернохранилищ и складов¹³. Увеличение аграрного производства было одной из основных целей реформ Шан Яна в Цинь. Земля в Гуаньчжуне подлежала измерению и кадастровой регистрации для последующего подворного распределения, причем домохозяйству каждого простолюдина полагался один *цин* (ок. 4,6 га) пригодной для обработки земли. Домохозяйства с двумя и более взрослыми мужчинами подлежали дроблению, что позволяло максимально использовать трудовые ресурсы в условиях избытка земли¹⁴. Указ о земельном межевании от 27 сентября 309 г. до н.э., записанный на деревянной дощечке и обнаруженный при раскопках циньских погребений в Хаоцзяпин (северная Сычуань) в 1979–1980 гг., предписывал проведение межевания участков площадью один *цин* для последующего распределения между колонистами¹⁵. Этот указ, вероятно, представлял собой ревизию соответствующей статьи циньского «Статута о полях» (*тянь люй* 田律), изданного в ходе земельной реформы Шан Яна¹⁶.

Основанная циньцами в Хаоцзяпине колония представляла собой идеальную среду для проведения межевания и распределения земельных участков. Поселение создавалось на землях либо ранее не заселенных, либо очищенных от обитателей. Намного сложнее было осуществить такие меры на уже освоенных сельскохозяйственных землях с постоянным населением. Тем не менее собранные современными исследователями данные свидетельствуют, что на определенном историческом этапе значительная часть сельскохозяйственных земель Гуаньчжуна подверглась межеванию в соответствии с циньскими стандартами¹⁷. Нам практически ничего не известно о времени и условиях этой операции, однако в сочетании с сообщениями традиционных источников о масштабах циньской переселенческой политики и призывами идеологов циньских реформ к замещению коренных жителей колонистами можно предположить, что правители Цинь второй половины эпохи Чжаньго действительно предприняли беспрецедентную попытку преобразовать сельскохозяйственный ландшафт целого региона¹⁸.

¹³ Подробнее о циньской системе поземельного налогообложения см. Korolkov 2012, 122–156.

¹⁴ Наиболее подробно система наделения земель изложена в «Статуте о домохозяйствах» (*ху люй*) западноханьского судебника из Чжанцзяшани, см. *Zhangjiashan*, 216–218, slips 310–313. Нормы наделения были, вероятнее всего, заимствованы из циньского законодательства. Это подтверждается тем, что величина стандартного земельного надела для простолюдинов в западноханьском судебнике совпадает с той, что установлена циньским указом о земельном межевании 309 г. до н.э. (см. Korolkov 2017, 68–106). О требовании разделять крупные домохозяйства см. *Shiji* 68.2230. Недавно обнаруженные циньские административные документы позволяют усомниться в том, насколько эти требования осуществлялись на практике: см., например, Li 2009, 5–23.

¹⁵ Перевод и анализ этого текста см. Korolkov 2017, 68–106; см. также Hulswé 1985, 211–215.

¹⁶ Об указе из Хаоцзяпина как об инструменте адаптации норм соответствующего статута к топографическим реалиям северной Сычуани см. Korolkov 2017, 92–95; Barbieri-Low, Yates 2015, 2, 710–711, n. 47.

¹⁷ Leeming 1980, 153–204.

¹⁸ О программе заселения Гуаньчжуна выходцами с Великой Равнины и из Шаньдуна см. *Shangjun shu* 4.92. Эта часть «Книги правителя области Шан» является сравнительно поздней и не имеет отношения к идеям и политическим мерам исторического Шан Яна (см. Pines 2017, 52–53).

Земельное межевание лежало в основе как циньской системы налогообложения, так и программы социального выравнивания и увеличения аграрного производства. В рамках циньской системы поземельного налогообложения ожидаемая урожайность в том или ином уезде рассчитывалась ежегодно, а общий объем налоговых поступлений определялся в соответствии с площадью распаханной земли с точностью до *цина*. Межевание предоставляло данные о земельных ресурсах и, соответственно, о налоговом потенциале тех территорий, на которых оно было произведено¹⁹.

Массовая миграция в Гуаньчжун с территории Великой Равнины и из бассейна реки Фэнь засвидетельствована как письменными, так и археологическими данными. Одновременно на завоеванных землях создавались циньские колонии, причем их основанию часто предшествовало насильственное выселение местных жителей. География колонизации указывает на то, что ее целью было создание базы снабжения для циньских армий в условиях, когда военные кампании становились все более затяжными, а доставка зерна из Гуаньчжуна требовала все больших затрат²⁰.

Археологические и традиционные письменные источники позволяют определить три основных региона циньской колонизации, сопровождавшейся межеванием земель и земельными наделениями, подобными тем, что отражены указом из Хаоцзяпина (см. карту). Первый из этих анклавов располагался в бассейне нижнего течения реки Фэнь и в районе Саньмэнься и обеспечивал доступ на Великую Равнину, бывшую ареной длительных и кровопролитных кампаний против царств Вэй, Чжао и Хань. Другой территорией, подвергшейся циньской колонизации, была равнина Чэнду в Сычуани, а также транспортный коридор, соединявший этот центр сельскохозяйственного производства с Гуаньчжуном (частью этого коридора был район Хаоцзяпина). Эти земли были базой снабжения одной из ключевых кампаний Цинь против царства Чу в 279–278 гг. до н.э. Наконец, масштабная колонизация была проведена на захваченных у Чу землях в бассейне реки Хань и в районе ее впадения в Янцзы, где была создана база для дальнейших кампаний против Чу и для экспансии к югу от Янцзы²¹.

С точки зрения налогообложения, колонизационная модель предоставляла ряд логистических и административных преимуществ:

1) В непосредственной близости от основных театров военных действий второй половины эпохи Чжаньго создавались базы снабжения, что снижало транспортные издержки и позволяло избежать участия в цепи снабжения извлекающих прибыль частных лиц (купцов, перевозчиков и т.д.).

2) Колонизация сопровождалась межеванием, позволявшим оценить площадь обрабатываемой земли для ее последующего распределения между податными дворами. Таким образом, в течение короткого времени создавалась готовая к эксплуатации налоговая база.

3) Зависимость поселенцев от земельных раздач, государственных зернохранилищ, ссужавших посевное зерно и предоставлявших субсидии в неурожайные

¹⁹ Законодательные установления о ежегодной оценке урожайности сельскохозяйственных земель см. *Shuihudi*, 19–20, slip 1–3; Hulsewé 1985, 21–22.

²⁰ О затяжных «войнах на истощение», характерных для эпохи Чжаньго, см. Lewis 1999, 620–632.

²¹ Археологические данные о циньской колонизации собраны в Teng 2003, 126–133; Zhao 2001, 619–630.

распространенному мнению, она составляла десятину в царстве Цинь, тогда как в ханьское время была снижена сначала до 1/15, а затем до 1/30 части урожая²².

Обнаруженные в ходе археологических раскопок фрагменты законодательства и арифметических текстов циньской и начала западноханьской эпохи существенно изменили эти представления. Оказалось, что вместо того, чтобы зафиксировать налоговую ставку в отношении к номинальному среднему урожаю, циньские чиновники ежегодно пересматривали ее на основе докладов с мест о состоянии урожая. Эти доклады были основаны на наблюдениях за погодными условиями, ущербом от неблагоприятных погодных явлений и стихийных бедствий, качеством почвы, состоянием использовавшихся земледельцами сельскохозяйственных орудий, и т.д. От местных чиновников требовалось регулярно предоставлять соответствующие отчеты в столицу, где на их основе рассчитывался объем налогов. Затем эти цифры передавались местным властям, которые распределяли налоговую нагрузку между домохозяйствами. Такая система позволяла извлекать большую долю сельскохозяйственных излишков ценой более высоких издержек надзора, что было оправдано для анклавов интенсивного аграрного производства, где государство обладало полнотой информации о площади обрабатываемых земель, их качестве и распределении между домохозяйствами. В противоположность Цинь государство Великой Равнины и Шаньдуна применяли фиксированную ставку поземельного налога, рассчитанную для номинального среднего урожая²³.

Применение системы земельного налогообложения с гибкой ставкой зависело от эффективности и добросовестности чиновников, отвечавших за сбор и предоставление информации о состоянии сельскохозяйственных угодий и урожая. Законодательные тексты свидетельствуют об обилии нарушений²⁴. Для надзора за местными чиновниками циньские правители ввели ряд процедур бюрократического контроля, таких как подача независимых отчетов всеми ведомствами, вовлеченными в ту или иную бюрократическую процедуру, раздельное хранение нескольких копий официальных документов, строгие сроки предоставления периодических отчетов, перекрестная проверка деятельности ведомств и сложная система наказаний для служащих, нарушавших эти требования²⁵. Государство также стремилось привлечь деревенских старейшин и даже простых земледельцев к участию в контроле над деятельностью местных чиновников, ежегодно извещая налогоплательщиков об объемах сборов и требуя личного присутствия глав домохозяйств при распределении налоговой повинности²⁶.

2. Трудовая повинность. Ханьские мыслители, враждебно настроенные к империи Цинь, часто обвиняли ее правителей в чрезмерной эксплуатации труда подданных. Один из наиболее ярких критиков, Дун Чжуншу (179–104 гг. до н.э.), утверждал, что Цинь увеличило трудовую повинность в 30 раз по сравнению с идеализированной древностью и что ханьская империя унаследовала эту порочную практику, при которой каждый взрослый мужчина должен был отбыть

²² См., например, Lewis 2015, 285–286.

²³ Реконструкцию циньской системы земельного налогообложения и ее сравнение с системами других царств эпохи Чжаньго см. Yamada 1993, 32–59; Yang 2008, 331–342; Korolkov 2012, 135–146.

²⁴ См. Longgang. Обсуждение этих текстов см. Yang 2009, 173–185.

²⁵ О требованиях, связанных с отчетностью и сроками подачи отчетов см. Guo 2011, 86–95.

²⁶ Longgang, 122–124, slips 150, 154. Обсуждение этих документов см. Yang 2009, 179–180.

два года воинской повинности, включая один год службы на границе, после чего подлежал ежегодному призыву на казенные работы на один месяц вплоть до достижения возраста сначала частичного, а затем полного освобождения от трудовой повинности (*Hanshu* 24A.1137). Основатель циньской империи Ши-хуанди (правил в качестве императора в 221–210 гг. до н.э.) прославился мобилизацией огромных масс людей на общественные работы, включая строительство Великой стены, дворца Эпан и собственного погребального комплекса. Только на двух последних проектах трудилось не менее 700 тыс. работников (*Shiji* 6.256).

Высокий уровень мобилизации рабочей силы в циньской империи подтверждается археологическими материалами, хотя попытки установить число работников, задействованных на том или ином проекте, сопряжены с высокой погрешностью²⁷. Традиция масштабных строительных проектов зародилась в Цинь еще в эпоху Чуньцю, когда погребения циньских правителей по своим размерам и связанным с их строительством трудозатратам далеко превосходили погребения правителей других чжоуских государств. Эта «ритуально-политическая гигантомания» получила продолжение в эпоху Чжаньго²⁸. Как уже отмечалось, возможность столь масштабных трудовых мобилизаций в Цинь могла быть обусловлена географией региона, которая облегчала прямой контроль над рабочей силой. Значение трудовой повинности в циньской налоговой системе определялось также сравнительной неразвитостью денежного обмена вплоть до конца IV в. до н.э.

Подданные Цинь призывались не только на военную службу и трудовую повинность. Многие административные функции выполнялись чиновниками и писцами, не получавшими жалованья и исполнявшими свои обязанности в принудительном порядке в течение определенного срока за пищевой паек²⁹. Многочисленные каторжники, рабы и привлекавшиеся к исполнению трудовой повинности земледельцы были задействованы в государственном секторе, включавшем в себя сельскохозяйственные угодья и ремесленные мастерские. В то же время циньские правители отдавали себе отчет в том, что трудовые мобилизации, особенно в сезон сельскохозяйственных работ, могли негативно повлиять на аграрную экономику³⁰. Конфликт между двумя основными задачами государства — поддержанием сельскохозяйственного производства и общественного порядка, с одной стороны, и «государственными проектами» в пределах и за пределами империи, такими, как военные кампании, строительные работы и т.п., требовавшими мобилизации подданных, с другой, — усугублялся в ходе территориального расширения Цинь, требовавшего перемещения людей на все большие расстояния и, соответственно, призыва на более длительные сроки службы.

Чтобы выровнять сезонные колебания в доступности рабочей силы, циньские правители прибегали к использованию ее альтернативных источников, значение которых возрастало по мере расширения империи. Каторжный труд был одной

²⁷ В одном недавнем исследовании общая численность работников, призванных на различные имперские строительные проекты в правление первого циньского императора и его преемника, оценивается в 2 млн человек — см. Shelach 2014, 131.

²⁸ О погребениях циньских правителей см. von Falkenhausen 2006, 328–336.

²⁹ Miyake 2013, 127–161. О писцах и служителях официального культа, выполнявших свои обязанности в порядке периодической трудовой повинности, см. *Zhangjiashan*, 303–304, slips 484–486.

³⁰ См., например, рескрипт губернатора округа Дунтин, изданный в 219 г. до н.э., в котором нижестоящие чиновники предостерегались от призыва подданных на повинность в сезоны сельскохозяйственных работ (*Hunan sheng wenwu kaogu yanjiusuo* 2006, 192).

из самых распространенных форм наказания в циньском и раннем ханьском законодательстве. Порабощение членов семей осужденных преступников дополнительно увеличивало число зависимых работников. Государственные должники составляли еще одну важную категорию зависимых. Получая займы от государства в виде зерна, денег, скота или сельскохозяйственных орудий, они имели возможность отработать сумму долга, если были не в состоянии выплатить ее. Отработка также допускалась для компенсации штрафов и откупа от наказания. Поскольку обязанности по взысканию долгов могли передаваться от одной уездной управы другой, труд должников казны мог быть использован при необходимости за пределами их родных уездов.

Этот принцип иллюстрируется документами из циньского уездного архива, обнаруженного в ходе раскопок в Лие в западной части провинции Хунань. Чиновники и рекруты, призванные на службу на этой отдаленной южной окраине империи, часто бывали вынуждены оставаться там сверх положенного срока, чтобы отработать свои долги в соответствии с фиксированной денежной оценкой трудового времени. В результате государство получало доступ к рабочей силе там, где она имела наибольшую ценность с точки зрения задач территориальной экспансии и освоения приграничных земель и где в то же время эту рабочую силу было сложнее всего удержать. Циньская практика межрегионального трансфера долговых обязательств представляется хорошим примером роли имперской экспансии как катализатора фискальных инноваций. Более того, в той мере, в какой попытки государства упорядочить свой доступ к рабочей силе включали в себя установление денежного эквивалента стоимости труда, они открывали путь к монетизации услуг и возникновению рынка рабочей силы для выполнения трудовой и воинской повинностей за плату. Все это стало важным компонентом «второй налоговой трансформации» при Западной Хань³¹.

3. *Чрезвычайные сборы и возникновение новых видов налогообложения.* Трудовая повинность и натуральный земельный налог составляли основу циньской фискальной системы. В царстве Цинь также собирались чрезвычайные налоги для покрытия экстренных расходов. Такие сборы часто обозначались термином *фу* 賦 со словарным значением «собирать» (*Shuowen*, 6B.131). В ханьское время этот термин в основном ассоциируется с подушной податью *суаньфу* 算賦, взимавшейся со взрослого населения империи. В анналах основателя империи Хань императора Гао-ди прямо сообщается, что этот налог был впервые введен в 203 г. до н.э., т.е. уже после падения Цинь (*Hanshu* 1A.46). С другой стороны, в недавно опубликованных циньских судебных записях из собрания Академии Юэлу (Чанша, провинция Хунань) термин *фу* используется для обозначения взносов, собиравшихся с членов клана и предназначенных для чрезвычайных расходов, например, оплаты похоронных расходов для нуждающихся семей³².

В отсутствие свидетельств существования регулярной подушной подати в Цинь единственным видом налога, определявшимся в аутентичных циньских документах как *фу*, была подворная подать *хуфу*, о которой также известно из западно-ханьских статутах. Тогда она составляла 16 монет и один *ши* (около 20 кг) сена, которые собирались, соответственно, в 5-й и 10-й месяцы лунного года. Ханьский статут уточнял, что сено следовало собирать до тех пор, пока «не будут

³¹ О труде государственных должников в империи Цинь см. Korolkov, forthcoming.

³² Lau, Staack 2016, 197–198.

удовлетворены потребности уезда в сене»³³. Поскольку перевод налога сеном и соломой в денежную форму получил широкое распространение в начале ханьской эпохи, можно предположить, что циньский *хуфу* изначально собирался натурой³⁴.

Упомянутая в циньских законодательных текстах из Шуйхуди подворная подать была, вероятно, не единственным налогом *фу*, собиравшимся в Цинь. Позднейшая комментаторская традиция к «Основным записям о доме Цинь» в «Шицзи» («Исторических записках» Сыма Цяня, нач. I в. до н.э.) объясняет *фу* как военный налог, который был впервые введен в Цинь в начале кампаний на Великой Равнине³⁵. Впоследствии этот сбор принимал различные формы, одной из которых был *хуфу*. Военное назначение сборов *фу* отчасти подтверждается и тем, что при Западной Хань циньских правителей обвиняли в том, что на пике военной экспансии и строительной активности те изымали до двух третей доходов своих подданных в виде налогов *фу* (*Shiji* 118.3090). Хотя мы ни в коей мере не можем принять эти цифры как достоверные, связь между *фу* и военными расходами указывает на чрезвычайный характер этих сборов³⁶.

Еще одной фискальной практикой, призванной смягчить неблагоприятные экономические последствия трудовых мобилизаций, были оценка стоимости и регистрация имущества, необходимые, чтобы установить уровень устойчивости отдельных домохозяйств в условиях мобилизации на повинность одного из работников, реквизиции тяглового скота или имущества, например телег для перевозки зерна³⁷. К концу эпохи Чжаньго относится единичное свидетельство о том, что циньские подданные, занимавшиеся торговлей и владевшие рыночными прилавками, должны были извещать власти о стоимости своего имущества, подлежащего налогообложению³⁸. Эта практика получила широкое распространение при ханьском императоре У (140–87 гг. до н.э.), когда налог на имущество стал одним из основных источников финансирования дорогостоящих военных кампаний.

4. *Изменения в государственном секторе экономики.* Государственный сектор циньской экономики был призван удовлетворять нужды двора, администрации и военного аппарата, а также обеспечивать содержание каторжников, рабов и мобилизованных на исполнение трудовой повинности простолюдинов. Государственные мастерские изготавливали предметы престижного потребления для правителей и элиты, а сектор в целом предоставлял некоторые социально-экономические гарантии, обеспечивая наем рабочей силы и распределяя продовольственные запасы среди нуждающихся³⁹.

³³ *Zhangjiashan*, 193, slip 255; Korolkov 2010, 93–94.

³⁴ О сборе поземельного налога сеном и соломой в денежной форме в середине II в. до н.э. см. Kriukov 1981, 162–181.

³⁵ *Shiji* 5.204, комментарий Цяо Чжоу 譙周 (201–270 гг. н.э.), цитируемый в танском комментарии *Соинь* 索隱.

³⁶ Ma 2001, 27–37.

³⁷ Западнотанский статут, устанавливающий очередность мобилизации рабочей силы и других ресурсов домохозяйств в соответствии с их достатком, см. *Zhangjiashan*, 248–250, slips 411–415. О связи между регистрацией имущества и трудовой мобилизацией см. Shi 2015, 1–32; Guo 2011, 154–155.

³⁸ Lau, Staack 2016, 188–210.

³⁹ Краткий очерк структуры государственного сектора циньской экономики см. Hulsewé 1987, 211–235.

Завоевание регионов с хорошо развитой денежной экономикой и введение собственно циньской монеты в 336 г. до н.э. облегчили взаимодействие между государственной инфраструктурой производства и хранения, с одной стороны, и частным рынком — с другой. Постоянное расширение территории империи и рост издержек, связанных с перевозкой продуктов и товаров, требовали более эффективных механизмов распределения. Циньские статуы, датируемые поздним Чжаньго, предписывали местным властям продавать продукты государственных земледельческих хозяйств и закупать на рынке различные материалы⁴⁰. Документы из Лие демонстрируют, что даже на отдаленной южной границе империи рынки были достаточно развиты для того, чтобы местные власти могли приобретать на них такие товары, как одежда для государственных зависимых людей и перья для изготовления стрел, а также продавать излишки со складов⁴¹.

Стремление центрального правительства сбалансировать объемы запасов и реальные нужды государственного сектора экономики было обусловлено растущими издержками надзора за деятельностью чиновничества на местах. Циньская местная администрация была организована в рамках двух функционально дублирующих друг друга систем ведомств (*гуань* 官) и бюро (*цао* 曹). Первые отвечали за непосредственное управление экономикой: земледельческими хозяйствами («ведомство полей», *тянь гуань* 田官), железоделательными мастерскими и литейным производством («ведомство железа», *те гуань* 鐵官), складами и арсеналами (*ку* 庫), зернохранилищами (*цан* 倉), и т.д. Бюро были расположены в уездном центре и осуществляли надзор за деятельностью ведомств; в частности, через них проходила вся письменная корреспонденция, причем копии поступали на хранение в уездный архив⁴². Эта система была создана для того, чтобы обеспечить всесторонний надзор за государственной экономикой со стороны местных (уездных) управ, которые в свою очередь были подотчетны центральному правительству. Чрезмерные расходы, связанные с содержанием двойной администрации, привели к ее упразднению при Хань.

В то время как государственный сектор циньской экономики в конце эпохи Чжаньго и в имперский период постепенно эволюционировал в сторону рынка, власти предпринимали усилия по контролю над его особенно прибыльными отраслями, такими как производство престижных и ценных товаров и литье монеты. Циньские правители поддерживали монополию на производство монеты и проводили ее постепенную девальвацию в соответствии с собственными нуждами, хотя монета завоеванных Цинь царств Чжаньго имела хождение в соответствующих регионах и после формального их присоединения⁴³. Женщины-ткачихи призывались на повинность в государственные мастерские для производства высококачественных тканей, которые затем продавались или распределялись между чиновниками, военными и зависимыми людьми, а также выполняли функции валюты⁴⁴. Железные орудия, изготавливавшиеся в государственных

⁴⁰ *Shuihudi*, 50, slips 128–129; 24, slips 16–20. Практическое применение этих предписаний проиллюстрировано в *Liye*, 62, slip 8–102; 168, slip 8–490+8–501.

⁴¹ *Liye*, 20, slip 6–7; 93, slip 8–154; 197, slip 8–664+8–1053+8–2167; 367, slip 8–1604; 374, slip 8–1662; 387, slip 8–1755; Peng 2009, 196–200.

⁴² Tsuchiguchi 2015, 1–38.

⁴³ О девальвации циньской монеты, *баньяна* 半兩, при Втором императоре Цинь см. Не 2003, 318–324. О хождении монеты царств Чжаньго после официального провозглашения циньской империи см. Emura 2011, 390.

⁴⁴ Kakinuma 2011, 249–307.

мастерских, сдавались в аренду земледельцам. Раскопки погребений циньских чиновников свидетельствуют о значительном масштабе государственного производства лаковых изделий, ставших неперенным и востребованным атрибутом престижного социального статуса⁴⁵. Государственный сектор все больше совмещал свою традиционную функцию обеспечения придворных и государственных служащих необходимыми для жизни продуктами и товарами с новой функцией максимизации прибыли.

Кризис циньской модели налогообложения

Стремительный коллапс циньской империи менее чем через три года после смерти ее основателя стал одной из излюбленных тем политического дискурса в последующую эпоху Хань. Обвинения циньских правителей в чрезмерном угнетении их подданных оправданы лишь отчасти. Циньская налоговая модель, действительно, подразумевала интенсивное извлечение ресурсов, но она применялась неравномерно на территории огромной империи. Недавно обнаруженные документы уездной циньской администрации свидетельствуют о том, что домохозяйства, зарегистрированные в подворных списках с целью налогообложения и мобилизации на трудовую повинность, составляли лишь часть местного населения⁴⁶.

Ограниченные возможности Цинь по контролю над ресурсами за пределами анклавов государственного присутствия (административные центры, пути сообщения и т.п.) означали, что эти ресурсы оставались потенциально доступными для противников империи. Несмотря на попытки циньских правителей искоренить традиционные элиты, в частности путем их массового переселения в Гуаньчжун, многие представители правящих домов уничтоженных Цинь царств Чжаньго продолжали пользоваться существенным влиянием на территории своих прежних владений, что позволило им возглавить восстания после смерти Первого императора Цинь⁴⁷. Интересно отметить, что сообщения о восстаниях отсутствовали для регионов, подвергшихся циньской колонизации.

Одной из ключевых проблем циньской модели налогообложения было то, что она не предоставляла возможностей для фискального компромисса ни с местными элитами, ни с агентами центральной власти — чиновниками, отвечавшими в том числе и за сбор налогов. Претендуя на неограниченный доступ к ресурсам подвластных территорий, циньские правители в силу ограничений логистического характера были неспособны распространить столь интенсивный контроль на огромные территории, завоеванные в течение последнего десятилетия эпохи Чжаньго. Специфика циньской налоговой модели обусловила отсутствие

⁴⁵ О циньских государственных мастерских см. Hulsewé 1987, 231–233; Barbieri-Low 2007, 67–115.

⁴⁶ Зарегистрированное в подворных списках население уезда Цяньлин, архив которого был обнаружен при раскопках циньского городища в Лие, составляло всего 150–200 дворов, тогда как общее население этого района было, вероятно, существенно больше. См. Miyake 2015, 37–48.

⁴⁷ Типичной была ситуация, когда целый регион, часто совпадавший с соответствующим царством эпохи Чжаньго, признавал власть уцелевших представителей прежней правящей династии или местного аристократического рода сразу же после того, как убивали главу местной циньской администрации. Так было, например, с родами Сян в Чу и Тянь в Ци, см. *Shiji*, 7.297; 94.2643.

у государства возможностей для перераспределения налоговых поступлений и прав на сбор налогов и повинностей, которые помогли бы наладить взаимодействие с местными элитами. Многочисленные чрезвычайные сборы должны были восприниматься как простыми подданными, так и местными элитами как тяжкое бремя, не уравновешенное какими-либо существенными выгодами, что создавало дополнительный стимул для сопротивления. Налоговый режим, адекватный территориальному масштабу империи, не мог быть создан без отказа от циньской модели интенсивного извлечения ресурсов в пользу более инклюзивной системы, учитывающей экономические интересы как агентов государства на местах, так и элит, напрямую с ним не связанных, но игравших важную роль в легитимации государства и его налоговых механизмов. Основы такой коалиции были заложены при первых правителях ханьской империи, пришедшей на смену Цинь в 202 г. до н.э.

ВТОРАЯ НАЛОГОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ:
СОЗДАНИЕ ДОЛГОСРОЧНОЙ ФИСКАЛЬНОЙ КОАЛИЦИИ (II—I вв. до н.э.)

Падение циньской империи привело к временному распаду централизованного политического порядка. Несмотря на то, что одно из государств, возникших на обломках империи, Хань, смогло установить контроль над Гуаньчжуном, а затем благодаря умелому политическому маневрированию формально воссоединить большинство прежних циньских владений, более половины новой империи было разделено между автономными уделами, связанными с императорским двором обязательствами формально-ритуального характера. Политическая система, в рамках которой императорский домен сосуществовал с практически независимыми удельными княжествами, просуществовала первые полвека западноханьской эпохи⁴⁸. Административная децентрализация сопровождалась децентрализацией фискальной. Уделы обладали значительной автономией в вопросах сбора налогов, организации повинностей и расходования налоговых поступлений⁴⁹. В то же время некоторые ключевые составляющие циньской фискальной модели уходили в прошлое, и постепенно устанавливался новый налоговый режим, характеризовавшийся фиксированной ставкой основных налогов (поземельного и подушного), сравнительно низким уровнем налогообложения и предсказуемым объемом налоговых поступлений для центрального правительства при существенном снижении по сравнению с циньской моделью издержек надзора, что создавало предпосылки для интеграции местных элит в политическую экономику империи через распределение налоговых поступлений и доступа к ресурсам. Эта цель была в конечном счете достигнута ценой уменьшения возможностей государства по мобилизации ресурсов и роста зависимости центральной власти от содействия местных элит.

⁴⁸ Подробнее о западноханьской удельной системе и политических отношениях между императорским двором и удельными правителями в начале западноханьского времени см. Korolkov 2008, 43–49.

⁴⁹ Статут западноханьского судебника, посвященный окладам местных чиновников, рассматривает только регионы, находившиеся под прямым центральным управлением, тогда как чиновники уделов получали оклады от удельных правителей, а не от центральных властей (см. Chen 2004, 33–35). Выплата окладов чиновникам была одной из главных статей государственных расходов (см. Scheidel 2015, 150–180). О фискальных мерах, предпринимавшихся удельными правителями для привлечения переселенцев в их владения, см. *Shiji* 106.2822.

Изменения в фискальной системе стали возможны благодаря экономическим изменениям, таким как дальнейшая монетизация экономики. Коллапс циньского государственного сектора резко сократил возможности центральной власти по организации производства и распределения, в частности способность монополизировать монетную эмиссию. Частное литье монеты легально практиковалось на протяжении большей части первого века ханьского правления. Несмотря на попытки стабилизировать вес и состав бронзовой монеты, ее девальвация продолжалась вплоть до середины 110-х годов до н.э.⁵⁰ Объемы находившейся в обороте монеты существенно увеличились, что позволило перевести в денежную форму часть трудовых повинностей и натуральных налогов. Монетизация экономики и расширение рынка рабочей силы снизили потребность государства в регулярных и масштабных военно-трудовых мобилизациях. Институт всеобщих трудовой и воинской повинностей постепенно утрачивал свое значение на протяжении раннеханьской эпохи⁵¹.

Фискальная организация империи Хань изучена и описана значительно лучше, чем циньская⁵². Вместо того, чтобы предлагать еще одно такое описание, сосредоточимся на основных компонентах второй налоговой трансформации и ее влиянии на распределение доступа к налоговым поступлениям между центральной властью, чиновниками и местными элитами, а также на ее роли в истории фискальных институтов императорского Китая.

Монетизация трудовой повинности и натуральных налогов

Как и многие другие составляющие второй налоговой трансформации, монетизация трудовой повинности коренилась в практиках «командной экономики» эпохи Чжаньго. Официально установленная циньскими статутами стоимость единицы трудового времени в денежном и зерновом эквивалентах подразумевала признание взаимозаменяемости работников. Циньские статуты позволяли подданным предоставлять вместо собственного эквивалентный по стоимости труд другого человека или даже животного⁵³. К началу раннеханьского времени была распространена практика найма работников для исполнения трудовой повинности, оплата труда которых существенно варьировалась в зависимости от условий рынка⁵⁴.

Хотя такой наем изначально складывался как частная практика, со временем он был взят на вооружение государством, которое стремилось обеспечить для себя более гибкий доступ к трудовым ресурсам⁵⁵. К середине II в. до н.э. трудовая

⁵⁰ Основным источником по истории денежного обращения первой половины западноханьской эпохи является *Ханьшу* («Трактат о продовольствии и товарах»): см. *Hanshu* 24B.1152–1157.

⁵¹ Об упразднении всеобщей воинской повинности см. Lewis 2000, 35–76.

⁵² См., например, Kudrin 1979; Guo 2011; Cang 2012; Lewis 2015; von Glahn 2016, 100–120; Watanabe 2010.

⁵³ Соответствующие законодательные установления приведены в *Shuihudi*, 51, slips 137, 140.

⁵⁴ Cang 2012, 157.

⁵⁵ Местные администрации в циньской империи имели право сдавать каторжников в аренду частным лицам, чтобы сэкономить на их содержании. С другой стороны, государство могло приобретать рабов у частных лиц в тех случаях, когда необходима была дополнительная рабочая сила. См. *Shuihudi*, 32, slip 48; *Liye*, 306–307, slip 8–1287; 367, slip 8–1604.

повинность (*ши*) и подушная подать (*суань*) часто обобщались термином «повинности и налоги» (*шисуань*), отражавшим «взаимную конвертируемость повинностей и налогов»⁵⁶. Несмотря на то, что механизм взыскания обобщенных таким образом «повинностей и налогов» еще не ясен, можно предположить, что местные власти принимали решения о сборе части повинностей деньгами, основываясь на своих реальных потребностях в рабочей силе, как это имело место в случае с натуральными налогами (подробнее см. ниже). Позднее в западноханскую эпоху монетизация трудовых повинностей завершилась с возникновением нового сбора *гэнфу*, или «налога [в оплату] срока [трудовой повинности]», призванно заменить частную практику найма работников для исполнения повинности⁵⁷. Этот сбор предназначался для найма работников там и тогда, где и когда они были нужны государству, в особенности в пограничье, куда деньги переводились из внутренних районов империи⁵⁸.

Монетизация натуральных налогов в начале эпохи Хань засвидетельствована для налога сеном и соломой, бывшего важной составляющей циньского поземельного налога. Раннеханьские статуты из Чжанцзяшани, датируемые не позднее 186 г. до н.э., предписывают уездным властям собирать этот налог деньгами после того, как годовые потребности уезда в сене и соломе удовлетворены (*Zhangjiashan*, 193, slip 255). Уменьшение нужды в натуральных поступлениях в данном случае, видимо, объясняется уничтожением значительной части государственного скотоводческого хозяйства и сокращением количества государственных складов (где солома использовалась для изготовления подстилок) после гибели Цинь. Первые ханьские императоры были неспособны и, вероятно, не стремились восстанавливать государственный сектор⁵⁹.

Стабилизация государственных доходов и расходов

Как отмечалось выше, циньская налоговая система была разработана для финансирования военных кампаний, связанных с резким, зачастую трудно предсказуемым и географически локализованным ростом государственных расходов, что и определило ее основные особенности. Эта система продолжала применяться в ранние годы ханьской эпохи, когда император Гао-ди (202—195 гг. до н.э.), основатель династии, вел почти непрерывные кампании против своих бывших сподвижников, поднимавших восстания против своего сюзерена. Военная угроза со стороны удельных правителей уменьшилась к концу 180-х годов до н.э. К этому времени сложилось политическое равновесие между центральной властью и автономными уделами, сохранявшееся на протяжении большей части правления императоров Вэнь-ди (180—157 гг. до н.э.) и Цзин-ди (156—141 гг. до н.э.). В традиционной историографии этот период превозносился как время мира и процветания (*Shiji* 10.437—438; *Hanshu* 4.134—136; 5.153).

⁵⁶ Hsing 2014, 173.

⁵⁷ Gao 1982, 77.

⁵⁸ См., например, Wang 2007, 67—68.

⁵⁹ В частности, обращает на себя внимание различие в подходе законодателей к нарушениям, связанным с потравой скотом чужих земель. Циньский статут предусматривал конфискацию скота, тогда как аналогичное ханьское установление требовало уплаты денежного штрафа. Заинтересованность государства в увеличении поголовья казенного скота к началу западноханского времени уменьшилась. См. *Longgang*, 107, slip 102; *Zhangjiashan*, 192—193, slips 253—254.

Именно в эти десятилетия был кардинально пересмотрен принцип поземельного налогообложения. Первые попытки установить фиксированную ставку поземельного налога были предприняты императором Гао-ди и его преемником Хуэй-ди (195–188 гг. до н.э.). Эксперименты с фиксированной ставкой продолжались в правление Вэнь-ди. В конце концов, в 156 г. до н.э. налоговая ставка была установлена в размере 1/30 условного среднего урожая (*Hanshu* 24A.1135). Фиксированная ставка поземельного налога применялась в царствах Чжаньго, расположенных к востоку от Цинь на территории Великой Равнины и Шаньдуна, и переход к ней в течение первого полувека ханьского правления был, вероятно, связан с постепенным распространением контроля центральной власти на эти экономически развитые регионы. Переходу к фиксированной ставке поземельного налога способствовало сокращение военных расходов после завершения войн к концу правления Гао-ди, что, наряду с другими факторами, рассматриваемыми ниже, позволило стабилизировать государственные расходы.

Величина подушного налога также была зафиксирована в течение первого века Западной Хань. Как упоминалось выше, в рамках циньской фискальной системы разнообразные нерегулярные подворные и подушные сборы *фу* взимались, скорее всего, для нужд военных кампаний, а также монументального строительства. В начале ханьской эпохи эти сборы были заменены денежным подушным налогом *суаньфу*, что, возможно, было частью более широкой программы по упрощению чрезмерно запутанных правовой и налоговой систем империи Цинь⁶⁰. Впрочем, ежегодный размер подушного налога не был установлен и зависел от нужд местных властей, которые использовали эти сборы для покрытия собственных расходов, таких как выплата жалованья чиновникам. Документы, обнаруженные в погребении местного чиновника в Фэнхуаншани (совр. провинция Хубэй) и датированные началом правления императора Цзинь-ди, содержат запись о сборе подушного налога с жителей нескольких деревень⁶¹. Налог собирался несколько раз в течение года, причем суммы каждого сбора различались. Некоторые исследователи полагают, что время сбора и размер налога были связаны с действительными расходами уездного правительства, что определило отсутствие фиксированной ставки налога⁶².

Как и в случае с поземельным налогом, для понимания логики второй налоговой трансформации следует обратить внимание на связь между налогообложением и государственными расходами. Поскольку значительную часть подушной подати удерживали местные власти для своих нужд, прежде всего для выплаты жалованья служащим, состав местного чиновничества и принципы его пополнения важны для анализа изменений, которые этот налог претерпел в течение ханьского времени. Как уже упоминалось, в царстве и империи Цинь многие местные чиновники призывались на службу в порядке трудовой повинности и получали продовольственные пайки. В этом смысле они отличались от прочих подданных только тем, что размер их пайков был сравнительно высоким⁶³. Только небольшая часть имперского чиновничества относилась к категории «чиновников

⁶⁰ О решении императора Гао-ди упростить циньскую правовую систему см., например, *Hanshu* 23.1096.

⁶¹ О документах из Фэнхуаншани и их датировке см., например, Qiu 1974, 49–63; Kriukov 1981, 162–181; Hsing 2014, 165–166.

⁶² Gao 1983, 25–39.

⁶³ Miyake 2013, 127–161.

с окладом» (*ючжи* 有秩), получавших постоянное ежемесячное жалование зерном и монетами⁶⁴. Расходы государства на содержание бюрократического аппарата варьировались в зависимости от того, сколько чиновников привлекалось на службу в то или иное время в том или ином месте.

Ситуация изменилась при Западной Хань, когда профессиональная, состоявшая на жалование бюрократия стала включать в себя сравнительно низкопоставленных служащих, прежде призывавшихся на службу на временной основе⁶⁵. Не вполне ясно, было ли это результатом возросшего политического влияния местного чиновничества перед лицом центральной власти или сознательной политики последней. Однако можно с уверенностью предположить, что формирование полноценного профессионального управленческого аппарата способствовало упорядочению государственных расходов. Соответственно, мог быть зафиксирован и размер податей, предназначенных для финансирования этих расходов. Еще до конца западноханьского периода подушный налог был зафиксирован в размере 120 монет в год⁶⁶. К концу Западной Хань ежегодные расходы на содержание бюрократического аппарата стабилизировались настолько, что соответствующие цифры были широко известны и сохранились в источниках⁶⁷.

Профессионализация чиновничьей и воинской службы в западноханьский период наряду с сокращением военных расходов (за исключением кампаний императора У-ди, о которых будет сказано ниже) способствовали стабилизации государственных расходов, что в свою очередь облегчало переход к фиксированным налоговым ставкам. Государство теперь могло определить объем ресурсов, необходимых для выживания и нормального функционирования, и на этом основании установить уровень налогообложения, приемлемый для подданных, прежде всего для местных элит, чье содействие было необходимо при сборе фискальной информации: данных о численности населения, площади обрабатываемой земли и т.д. Компромисс между государством и элитами был важнейшим следствием второй налоговой трансформации, но она также обозначила пределы государственной автономии перед лицом новых союзников.

От максимизации поступлений к удовлетворению интересов коалиции элит

Выше уже отмечалось, что циньская фискальная система была нацелена, во-первых, на максимизацию поступлений со сравнительно ограниченной налоговой базы и, во-вторых, на то, чтобы направлять труд мобилизованных на повинность подданных и натуральные налоговые поступления к местам государственного потребления, будь то стратегически важные военные форпосты, пути транспортного сообщения, укрепленные административные центры, пограничные защитные линии или великие стройки. Такая модель налогообложения практически не оставляла места для фискального компромисса между государством и элитами, которые не получали никаких выгод от участия в механизмах налогообложения. В результате государственная служба была, как правило,

⁶⁴ Выплата чиновничьих окладов частично зерном и частично деньгами отмечена для ханьской эпохи. Вероятно, эта практика восходит к циньскому времени.

⁶⁵ Miyake 2013, 160–161.

⁶⁶ См., например, комментарий Жу Чуня 如淳 (III в. н.э.) к сообщению *Ханьшу* о введении подушной подати *суаньфу* в империи Хань — см. *Hanshu*, 1A.46.

⁶⁷ Nishijima 1986, 593.

повинностью, а не привилегией, и большинство низкопоставленных чиновников подлежали насильственной мобилизации на службу.

Основной недостаток циньской фискальной модели заключался в крайне высоких издержках надзора над ее агентами — государственными служащими, причем издержки возрастали по мере территориального расширения. Стремясь предотвратить формирование связей между чиновниками и местными элитами, центральная власть практиковала переброску административного персонала на дальние расстояния к местам службы⁶⁸. К началу западноханьского времени, а возможно, еще при циньской империи стоимость таких перебросок настолько возросла, что получил распространение принцип местного назначения всех уездных и провинциальных чиновников за исключением высших постов, остававшийся в силе на протяжении всей имперской истории Китая⁶⁹. Результаты оказались предсказуемыми. Круг социализации местного чиновника, реконструированный на основе частного архива провинциального писца конца раннеханьской эпохи, включал в себя как сослуживцев, так и представителей местных элит, в том числе членов императорской фамилии⁷⁰.

Территориальный масштаб империи был ключевым фактором, повлиявшим на изменение отношений между центральной властью и ее фискальными агентами в провинции. Гибель циньской империи ускорила уже шедшие процессы. Сокращение возможностей государства по перемещению рабочей силы и ресурсов и распространение принципа местного назначения в начале западноханьского периода способствовали выработке фискального компромисса между государством и местными элитами как раз в то время, когда в состав чиновничества, в том числе высшего, было включено множество не-цинцев — сподвижников основателя ханьской империи. Эти люди были хорошо знакомы с альтернативными циньскими принципами налогообложения «восточных царств» Чжаньго.

Ханьская модель с ее фиксированной налоговой ставкой и низким уровнем обложения, постепенно замещавшая циньскую на протяжении II в. до н.э., имела двойное преимущество, с одной стороны, оставляя достаточное количество ресурсов невостребованными государством и доступными для частной эксплуатации через извлечение ренты, организацию торговли и ростовщичества, с другой — обеспечивая государству стабильные поступления и мотивируя чиновников, ответственных за сбор налогов, через предоставление им возможности извлекать выгоду из роста налоговой базы (рост населения, сельскохозяйственное освоение новых земель). До тех пор пока общие налоговые поступления удовлетворяли нужды государства, центральное правительство готово было не обращать внимания на фальсификацию фискальных данных со стороны провинциальных чиновников, хотя высокопоставленные сановники и даже сам император время от времени порицали такого рода обман (*Hanshu*, 8.273). Палеографическими документами засвидетельствован случай, когда провинциальные чиновники направили в столицу явно ложные данные о возрастном составе населения провинции с целью сокрытия части налоговых поступлений⁷¹. Кроме того, значитель-

⁶⁸ Это иллюстрируется данными архива уезда Цяньлин, чиновники которого переводились на свое место службы на расстояния более тысячи километров, см. *Liye*, 43–46, slip 8–60+8–656+8–665+8–748; 48–51, slip 8–63; 327, slip 8–1445.

⁶⁹ Yan 1961, 345–383; Liao 2000, 82–89.

⁷⁰ Korolkov 2011, 56–60.

⁷¹ Gao 1998, 110; Hsing 2014, 182–184.

ная часть собираемых налогов расходовалась на местах, прежде всего на выплату жалования местным чиновникам, что также было выгодно для последних⁷².

В результате второй налоговой трансформации сложилась система, которую можно охарактеризовать как «фискальный контракт с фиксированной рентой», сравнимый с системой налоговых откупов, когда агенты центральной власти на местах при содействии провинциальной элиты гарантировали определенный фиксированный объем налоговых поступлений в казну и присваивали разницу между этой суммой и реальным объемом сборов. Подобная практика позволяла сократить издержки надзора и интегрировать местные элиты в «фискальную коалицию», поддерживавшую центральную власть⁷³.

*Фискальные решения для чрезвычайных расходов:
налоги на имущество и торговлю*

Упорядочение государственных доходов и расходов, бывшее условием долгосрочного фискального компромисса между государством и элитами, существенно ограничило возможности государства по мобилизации ресурсов в условиях непредвиденного роста расходов, прежде всего на военные нужды. Ханьская империя избегала крупных военных столкновений на протяжении первых 70 лет своей истории, за исключением быстро подавленного восстания семи уделов в 154 г. до н.э. Даже тогда центральная власть не принимала активного участия в сражениях, доверив кампанию удельным правителям, сохранившим верность императору⁷⁴. Однако с конца 130-х годов до н.э. император У-ди (141–87 гг. до н.э.) начал многолетнюю войну против конфедерации сюнну на северной границе империи, а также (несколько позднее) ряд других, менее масштабных кампаний на юге, против государства Наньюэ, и северо-востоке, на Корейском полуострове. Кампании продолжались в течение трех десятилетий вплоть до начала I в. до н.э. и потребовали огромных расходов на содержание экспедиционных армий, которые необходимо было снабжать на расстоянии сотен километров малозаселенных степей и пустынь, как и многочисленные гарнизоны, защищавшие пути сообщения между империей и ее союзниками в Центральной Азии⁷⁵. Финансовые трудности, связанные с этими войнами, хорошо известны, поскольку они стали отправной точкой для политико-экономических дебатов, развернувшихся вскоре после смерти У-ди⁷⁶. Чтобы преодолеть эти трудности, ханьские центральные власти в значительной степени опирались на налоговые практики, разработанные еще при Цинь, пересмотренные в рамках новой фискальной политики.

Регистрация имущества с целью налогообложения практиковалась в Цинь, однако, насколько позволяют судить источники, в циньской налоговой системе налог на имущество занимал второстепенное место. Как отмечалось выше, основной целью имущественного ценза было более равномерное распределение

⁷² Scheidel 2015, 178–180.

⁷³ Классификацию налоговых режимов, или «фискальных контрактов», см. Monson, Scheidel 2015, 17–18.

⁷⁴ Краткое изложение истории восстания семи уделов см. Loewe 1986, 141–142.

⁷⁵ См. одно из наиболее подробных исследований войн императора У-ди против сюнну и его кампаний в Центральной Азии: Chang 2007. Из русскоязычных работ, освещающих тематику ханьско-сюннских войн, можно отметить следующие: Gumilev 1960; Borovkova 2001; Kradin 2002.

⁷⁶ См., например, Kroll 2001, 7–28; von Glahn 2016, 113–120.

на домохозяйства нагрузки, связанной с трудовой повинностью. При императоре У-ди государство предприняло попытку ввести систематический налог на имущество домохозяйств в размере 6% его заявленной стоимости для торговцев и 3% для ремесленников. Дополнительные сборы взимались с владельцев лодок и телег⁷⁷. Закон был направлен на зажиточных землевладельцев, занимавшихся торговлей и ростовщичеством. Сбор новых налогов сопровождался массовыми репрессиями против богатых землевладельцев и других экономически могущественных групп населения в провинции⁷⁸.

Еще одной фискальной мерой, коренившейся в циньской финансовой практике, были монополии на добычу соли и производство железных орудий. Государственный сектор циньской экономики включал в себя сеть железнотермических мастерских, изготавливавших в том числе сельскохозяйственные орудия, сдававшиеся в аренду земледельцам. Остается неясным, пытались ли циньские правители ограничить частное производство железных сельскохозяйственных орудий, как это произошло при У-ди⁷⁹. Соляная монополия была основана на другом принципе. Соледобытчики обязаны были продавать соль государству по установленной цене. Государство брало на себя распределение, но не добычу соли⁸⁰. Соляная монополия была связана с еще одной финансовой мерой, так называемыми «уравнительными перевозками» (*цзюньшу* 均輸), с помощью которых центральная власть стремилась предотвратить резкие ценовые колебания, приобретая продукты и товары при низких ценах и продавая при высоких. Тем самым уменьшались возможности для частной спекуляции такими необходимыми продуктами, как зерно и соль⁸¹. Ранее считалось, что эти меры были нововведением времен У-ди, однако теперь ясно, что они восходят к началу раннеханьского времени, а скорее всего к Цинь⁸².

Обобщая историю фискальных нововведений периода правления императора У-ди, Р. фон Глан отмечает, что они представляли собой существенное отклонение от принципов военной физиократии, характерной для циньской модели, и ознаменовали возникновение меркантилистского фискального государства, опиравшегося на мобилизацию экономических ресурсов с помощью косвенных налогов, собиравшихся в денежной форме, а не на непосредственную мобилизацию труда своих подданных⁸³. Налоговые меры правления У-ди были продолже-

⁷⁷ von Glahn 2016, 114.

⁷⁸ Чиновники, направлявшиеся в провинцию для проведения в жизнь новых законов, получили прозвище «жестоких чиновников» (*кули* 酷吏), что отражало отношение провинциальной элиты к новой фискальной политике императора У-ди. См., например, *Shiji* 122.3135–3154.

⁷⁹ Обнаруженные археологами административные документы свидетельствуют о том, что в империи Цинь существовали ведомства, связанные с деятельностью соляной и железной монополий, такие как «ведомство железа» (*тегуань* 鐵官), отвечавшее за производство железных инструментов; см., например, *Hunan chutu jianpu*, 116, slip 10–673.

⁸⁰ Nishijima 1986, 603.

⁸¹ von Glahn 2016, 116.

⁸² Западноханьский судебник из Чжанцзяшани включает статут об «уравнительных перевозках» (*цзюньшу люй* 均輸律): см. *Zhangjiashan*, 180–182, slips 225–227. Этот термин также фигурирует в неопубликованных циньских административных документах из Лие, тогда как названия некоторых циньских должностей, возможно, содержат отсылки к деятельности ведомства «уравнительных перевозок». См. Barbieri-Low, Yates 2015, 2, 670, n. 6.

⁸³ von Glahn 2016, 118.

нием тенденции к монетизации налоговых сборов, наметившейся с начала раннеханьской эпохи, и опирались на фискальные механизмы, возникшие в рамках циньской системы, хотя и с иными целями. С точки зрения центрального правительства, новый набор фискальных мер решал проблему чрезвычайных расходов, возникшую в ходе второй налоговой трансформации. Несмотря на то, что налоговая политика У-ди подвергалась резкой критике как в ходе придворных дебатов I в. до н.э., так и в традиционной историографии, соответствующие меры надолго вошли в фискальный арсенал китайских империй.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи характеризуют налоговый режим, основанный на фиксированной ставке («фискальном контракте с фиксированной рентой») при сравнительно низком уровне налогообложения, как доминирующую форму извлечения ресурсов в раннеимперском Китае⁸⁴. Несмотря на некоторые отклонения, в особенности при империи Северная Сун (960–1127 гг.), этот режим продолжил свое существование на протяжении позднеимперского периода (империи Мин и Цин, 1368–1911 гг.), что позволяет определить его как финансовое основание китайского имперского государства на протяжении большей части его истории⁸⁵. Одной из ключевых причин стабильности этой налоговой системы было то, что она отражала экономический и политический компромисс между централизованным государством и местными элитами, представители которых заполняли собой имперскую бюрократию и несли на себе обязанности по сбору налогов в провинции. Необходимость такого компромисса для государства была обусловлена территориальными размерами империи, делавшими невозможным эффективный надзор за местными чиновниками и сбор данных о состоянии налоговой базы при до-современных информационных технологиях. Центральная власть была вынуждена обеспечивать сильную мотивацию своих агентов для участия в фискальных институтах.

Основные составляющие «имперского фискального компромисса» оформились в результате двух веков налоговых реформ, сопровождавшихся как взаимодействием, так и ожесточенной борьбой центральной власти и местных элит, одним из наиболее драматичных эпизодов которой была гибель циньской империи, открывшая путь ко второй налоговой трансформации. Основания последней были заложены в краткий период имперской истории Цинь, когда стали распространяться принцип местного назначения чиновников, монетизация натуральных налогов и наем работников для выполнения трудовой повинности, а государственный сектор экономики все активнее коммерциализировался. Тем не менее ревизия базовых принципов циньской налоговой системы, таких как прямое управление мобилизованной рабочей силой и интенсивное извлечение ресурсов из территориально ограниченной налоговой базы, стала возможна лишь после насильственного уничтожения значительной части государственного сектора и прихода к рычагам управления нового поколения чиновников нециньского происхождения.

⁸⁴ См., например, Lewis 2015, 282.

⁸⁵ О возрождении меркантилистской политики и налогов на торговлю при Северной Сун см. von Glahn 2016, 226–235. О налогообложении в позднеимперский период см. Deng 2015, 308–341.

Впрочем, упразднение циньской налоговой модели в начале ханьской эпохи не означало окончательного отказа от использования ее механизмов. Условиями «имперского фискального консенсуса» были развитая денежная экономика и сравнительно низкий и стабильный уровень государственных расходов. В отсутствие одного из этих условий государство сталкивалось с угрозой фискального кризиса, требовавшего чрезвычайных мер. Как продемонстрировал опыт ханьского У-ди и императоров последующих династий, эти меры всегда наталкивались на сильное противодействие землевладельческих и торговых элит и могли применяться лишь недолгое время. Однако даже такие временные решения были невозможны в ситуациях, когда государственные расходы росли одновременно с сокращением или коллапсом рынков и денежного обмена. При совпадении этих двух условий элиты обычно из недовольных критиков центральной власти превращались в ее непримиримых врагов, и для борьбы с ними правители прибегали к радикальным социальным преобразованиям, направленным на установление прямых связей с крестьянским населением. При этом государство воспроизводило тот набор мер, который уже знаком нам по циньской модели эпохи Чжаньго: перераспределение сельскохозяйственных земель и контроль за их оборотом, натуральное налогообложение, массовая мобилизация населения на трудовые повинности, поощрение простолюдинов к участию в надзоре за государственными чиновниками и друг за другом в рамках системы взаимной ответственности⁸⁶. В то время как «имперский фискальный компромисс» оставался нормой на протяжении большей части истории до-современного Китая, периодические колебания между институтами первой и второй налоговых трансформаций свидетельствуют о сохранявшейся идеологической и практической привлекательности фискальной организации первой китайской империи, исторический опыт которой обладал потенциалом актуализации в условиях острых кризисов в экономике и в отношениях между государством и элитами⁸⁷.

Литература / References

- Barbieri-Low, A. 2007: *Artisans in Early Imperial China*. Seattle—London.
- Barbieri-Low, A., Yates, R.D.S. 2015: *Law, State, and Society in Early Imperial China: A Study with Critical Edition and Translation of the Legal Texts from Zhangjiashan Tomb no. 247*. Vol. 1–2. Leiden—Boston.
- Borovkova, L.A. 2001: *Tsarstva "Zapadnogo kraya" vo II—I vekakh do n.e. (Vostochnyy Turkestan i Srednyaya Aziya po svedeniyam iz "Shi tszi" i "Khan shu")* [The kingdoms of the "Western Region" in 2nd — 1st cent. B.C. (Eastern Turkestan and Central Asia, based on the evidence of the "Shi ji" and the "Han shu")]. Moscow.
- Боровкова, Л. А. Царства «Западного края» во II—I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.
- Cang, Z. 2012: *Qin Han fuyi yu shehui kongzhi* [Taxation and social control during the Qin and Han periods]. Xi'an.
- 臧知非 «秦漢賦役與社會控制». 西安.
- Chang, C. 2007: *The Rise of the Chinese Empire*. Vol. 2: *Frontier, Immigration, and Empire in Han China, 130 B.C. — A.D. 157*. Ann Arbor.

⁸⁶ Империя Мин (1368—1644 гг.) в первый век своего существования была одним из наиболее ярких примеров воспроизведения фискальных институтов первой налоговой трансформации (см. Huang 1998, 106—171; von Glahn 2016, 285—288).

⁸⁷ Сравнительно недавним примером такой актуализации была коммунистическая реконструкция китайского общества и экономики в 1950-х годах, сопровождавшаяся идеологическими отсылками к циньскому реформатору Шан Яну и первому императору Цинь (см. Teiwes 1987, 51—143; Pines 2017, 109—110).

- Chen, S. 2004: [A study of the system of vassal kingdoms in the beginning of the Han era], *Zhongguo shi yanjiu* [Studies in Chinese history] 3, 27–40.
- 陳蘇鎮《漢初王國制度考述》，《中國史研究》2004年第3期，27–40。
- Deng, K. 2015: Imperial China under the Song and late Qing. In: A. Monson, W. Scheidel (eds), *Fiscal Regimes and the Political Economy of Premodern States*. Cambridge, 308–341.
- Deopik, D.V., Ul'yanov, M. Yu., Tseluyko, M.S. 2016: [Ch. 3. History and culture of the Qin state in the Chunqiu period. Political history]. In: *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. 1: Drevneyshaya i drevnyaya istoriya (po arkhеologicheskim dannym)* [History of China from the Ancient Times till the Beginning of the 21st Century: in 10 vols. Vol. 1: Prehistory and Ancient History (based on the archaeological evidence)]. Moscow, 860–863.
- Деопик, Д.В., Ульянов, М.Ю., Целуйко, М.С. Глава 3. История и культура государства Цинь в период Чуньцю. Политическая история. В кн.: *История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э.* М., 860–863.
- Emura, H. 2011: *Shunshū Sengoku jidai seidō kahei no seisei to tenkai* [Emergence and Development of Bronze Coinage during the Spring and Autumn and Warring States Periods]. Tokyo.
- 江村治樹『春秋戰國時代青銅貨幣の生成と展開』。東京。
- Falkenhausen, L. von. 2006: *Chinese Society in the Age of Confucius (1000–250 BC): The Archaeological Evidence*. Los Angeles.
- Gao, D. 1998: [A study of population census materials in the “collected accounts” on a wooden tablet from the Han tomb at Yinwan], *Lishi yanjiu* [Studies in history] 5, 110–123.
- 高大倫《尹灣漢墓木牘集簿中戶口統計資料研究》，《歷史研究》1998年第5期，110–123。
- Gao, M. 1982: *Qin Han shi lunji* [Collected papers on the Qin and Han history]. Zhengzhou.
- 高敏《秦漢史論集》。鄭州。
- Gao, M. 1983: [Capitation tax regime during the Han period as reflected in the documents on bamboo and wood excavated from the Han tomb no. 10 at Fenghuangshan, Jiangling], *Wenshi* [Literature and history] 20, 25–39.
- 高敏《從江陵鳳凰山十號漢墓出土簡牘看漢代的口錢、算賦制度》，《文史》第二十輯，25–39。
- Giele, E. 2003: Using early Chinese manuscripts as historical source material. *Monumenta Serica* 52, 409–438.
- Glahn, R. von 2016: *The Economic History of China: From Antiquity to the Nineteenth Century*. Cambridge.
- Gumilev, L.N. 1960: *Khunnu: Srednyaya Aziya v drevnie vremena* [Hunnu: Central Asia in ancient times]. Moscow.
- Гумилев, Л. Н. Хунну: Средняя Азия в древние времена. М.
- Guo, H. 2011: *Handai difang caizheng yanjiu* [Study of local finances in the Qin and Han empires]. Jinan.
- 郭浩《漢代地方財政研究》，濟南。
- He, Q. 2003: [The history of Qin coinage]. In: Q. He, *Qin shi tansuo* [Research in the Qin history]. Taipei.
- 何清谷《秦幣春秋》，《秦史探索》，台北。
- Hsing, I. 2014: Qin-Han census and tax and corvée administration: notes on newly discovered materials. In: Yu. Pines, L. von Falkenhausen, G. Shelach, R.D.S. Yates (eds), *Birth of an Empire: The State of Qin Revisited*. Berkeley–Los Angeles–London, 155–186.
- Huang, R. 1998: The Ming fiscal administration. In: D. Twitchett, F. Mote (eds), *The Cambridge History of China*. Vol. 8: *The Ming Dynasty, 1368–1644*. Pt. 2. Cambridge, 106–171.
- Hulsewé, A. 1985: *Remnants of Ch'in Law: An Annotated Translation of the Ch'in Legal and Administrative Rules of the 3rd Century B. C. Discovered in Yün-meng Prefecture, Hu-pei Province, in 1975*. Leiden.
- Hulsewé, A. 1987: The influence of the “Legalist” government of Qin on the economy as reflected in the texts discovered in Yunmeng County. In: S. R. Schram (ed.), *Foundations and Limits of State Power in China*. Hong Kong, 211–235.
- Hunan sheng wenwu kaogu yanjiusuo [Hunan provincial institute of cultural relics and archaeology] (ed.) 2006: *Liye fajue baogao* [Archaeological Report on Liye Excavation]. Changsha.
- 湖南省文物考古研究所《里耶發掘報告》，長沙。
- Kakimoto, Y. 2011: *Chūgoku kodai kahei keizaishi kenkyū* [A Study of the History of Monetary Economy in Ancient China]. Tokyo.
- 柿沼陽平『中国古代貨幣經濟史研究』。東京。
- Korolkov, M.V. 2008: [The vassal kingdoms system of the early Western Han (206–140 B.C.): the factor of dynastic relationships]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXVIII nauchnaya konferentsiya* [State and Society in China: 38th Conference]. Moscow, 43–49.

- Корольков, М. В. Удельная система ранней Западной Хань (206—140 гг. до н.э.): фактор внутриминастических отношений. В сб.: *Общество и государство в Китае: XXXVIII научная конференция*. М., 43—49.
- Korolkov, M.V. 2010: [“Statute on fields” (*tian lǚ*) from the early Han tomb no. 247 at Zhangjiashan and some problems of reconstruction of the ancient Chinese land legislation]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XL nauchnaya konferentsiya [State and Society in China: 40th Conference]*. Moscow, 86—107.
- Корольков, М. В. «Статут о полях» (*тянь лüй*) из раннеханьского погребения № 247 в Чжанцзяшань и некоторые проблемы реконструкции древнекитайского земельного права. В сб.: *Общество и государство в Китае: XL научная конференция*. М., 86—107.
- Korolkov, M.V. 2011: [Greeting tablets in Early China (communicative etiquette of the officials in light of the epigraphic evidence)]. In: L. Vasiliev (ed.), *Etiket narodov Vostoka: normativnaya traditsiya, ritual, obychai [Etiquette of the Peoples of the Orient: Normative Tradition, Ritual, Habits]*. Moscow, 24—64.
- Корольков, М. В. Приветственные карточки в древнем Китае (чиновничий церемониально-коммуникативный этикет в свете эпиграфических находок). В сб.: Л. С. Васильев (ред.), *Этикет народов Востока: нормативная традиция, ритуал, обычаи*. М., 24—64.
- Korolkov, M.V. 2012: [Evolution of land taxation system in the Qin and Han empires based on the evidence from excavated documents]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XLII nauchnaya konferentsiya [State and Society in China: 42th conference]*. Vol. 1. Moscow, 122—156.
- Корольков, М. В. Эволюция системы земельного налогообложения в империях Цинь и Хань по данным палеографических документов. В сб.: *Общество и государство в Китае: XLII научная конференция*. Т. 1. М., 122—156.
- Korolkov, M.V. 2016: [Written sources on bamboo and wood]. In: *Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. T. 1: Drevneyshaya i drevnyaya istoriya (po arheologicheskim dannym) [History of China from the Ancient Times till the Beginning of the XXI century: in 10 vols. Vol. 1: Prehistory and Ancient History (based on the archaeological evidence)]*. Moscow, 759—767.
- Корольков, М. В. Письменные документы на бамбуке и дереве. В кн.: *История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э.* М., 759—767.
- Korolkov, M.V. 2017: [A new source on the land reform in the state of Qin during the Warring States period: the 309 B.C. “Ordinance on fields” from the Qin tomb at Haojiaping]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XLVII nauchnaya konferentsiya [State and Society in China: 47th conference]*. Vol. 1. Moscow, 68—106.
- Корольков, М. В. Новый источник по земельной реформе в царстве Цинь эпохи Чжаньго: «Указ о полях» 309 г. до н.э. из циньского погребения в Хаоцзяпине. В сб.: *Общество и государство в Китае: XLVII научная конференция*. Т. 1. М., 68—106.
- Korolkov, M.V. forthcoming: Between command and market: credit, labor and accounting in the Qin Empire (221—207 B.C.E.). In: E. Sabatini, C. Schwermann (eds), *Between Command and Market: Economic Thought and Practice in Early China*. Leiden—Boston.
- Kradin, N.N. 2002: *Imperiya Khunnu [The Hunnu Empire]*. Moscow.
- Крадин, Н. Н. *Империя Хунну*. М.
- Kriukov, M.V. 1981: [New evidence on the tax and levy system in the Han Empire]. In: *Voprosy istorii Kitaya [Issues in Chinese history]*. Moscow, 162—181.
- Крюков, М. В. Новые данные о системе налогов и повинностей в империи Хань. В сб.: *Вопросы истории Китая*. М., 162—181.
- Kroll, Yu.L. (transl., introd., comment., app.) 2001: *Spor o soli i zheleze (Yan’ te lun’)*. Т. 1. Moscow.
- Спор о соли и железе (*Янь те лунь*). Т. 1. Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Ю.Л. Кроля. М.
- Kudrin, V.I. 1979: [Economic policy of the Western Han]. In: *Sotsial’naya i sotsial’no-ekonomicheskaya istoriya Kitaya [Social and Economic History of China]*. Moscow, 66—89.
- Кудрин, В. И. Экономическая политика в период Западная Хань (государственное регулирование торговли, финансов и ремесленного производства). В сб.: *Социальная и социально-экономическая история Китая*. М., 66—89.
- Lau, U., Staack, T. 2016: *Legal Practice in the Formative Stages of the Chinese Empire: An Annotated Translation of the Exemplary Qin Criminal Cases from the Yuelu Academy Collection*. Leiden—Boston.
- Leeming, F. 1980: Official Landscapes in Traditional China. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 23.1/2, 153—204.
- Lewis, M. 1999: Warring States Political History. In: M. Loewe, E. Shaughnessy (eds), *The Cambridge History of Ancient China: From the Origins of Civilization to 221 B. C.* Cambridge, 587—650.
- Lewis, M. 2000: The Han abolition of universal military service. In: H. van de Ven (ed.) *Warfare in Chinese History*. Leiden, 35—76.

- Lewis, M. 2015: Early Imperial China, from the Qin and Han through Tang. In: A. Monson, W. Scheidel (eds), *Fiscal Regimes and the Political Economy of Premodern States*. Cambridge, 282–307.
- Li, J. 2005: *Gudai jiandu* [Ancient Texts on Bamboo and Wood]. Beijing.
古代簡牘. 北京.
- Li, F. 2008: *Bureaucracy and the State in Early China: Governing Western Zhou*. Cambridge.
- Li, M. 2009: [Qin documents from Liye: A discussion of household registers]. *Zhongguo shi yanjiu* [Studies in Chinese history] 2, 5–23.
- 黎明釗《里耶秦簡：戶籍檔案的探討》，《中國史研究》2009年第2期，5–23。
- Liao, B. 2000: *Jiandu yu zhidu* [Documents on Bamboo and Wood and the Political Regime]. Guilin.
廖伯源《簡牘與制度》。桂林。
- Loewe, M. 1986: The Former Han Dynasty. In: D. Twitchett, M. Loewe (eds), *The Cambridge History of China*. Vol. 1: *The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220*. Cambridge, 103–222.
- Ma, Y. 2001: [The fu taxes and military spending in the Han period], *Zhongguo shi yanjiu* [Studies in Chinese history] 3, 27–37.
- 馬怡《漢代的諸賦與軍費》，《中國史研究》2001年第3期，27–37。
- Miyake, K. 2013: [The lowest tier of the Han bureaucratic organization – between “officials” and “people”], *Zhongguo gudai falü wenxian yanjiu* [Studies in the legal documents from ancient China] 7, 127–161.
- 宮宅潔《漢代官僚組織的最下層 – “官”與“民”之間》，《中國古代法律文獻研究》第七輯，127–161。
- Miyake, K. 2015: [Distribution of households in the Qin prefecture of Qianling and military organization]. In: *Proceedings of International Conference “Military control on multi-ethnic society in Early China”*. Seoul, 37–48.
- 宮宅潔《秦遷陵縣的戶口支配と軍事組織》『國際學術會議「中国古代にうおける多民族社会の軍事統治」報告書』。ソウル。
- Monson, A., Scheidel, W. 2015: Studying fiscal regimes. In: A. Monson, W. Scheidel (eds), *Fiscal Regimes and the Political Economy of Premodern States*. Cambridge, 3–27.
- Nishijima, S. 1986: The Economic and Social History of Former Han. In: *The Cambridge History of China*. Vol. 1: *The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220*. Cambridge, 545–607.
- Peng, H. 2009: [Notes on the “control tallies” among the Qin documents from Liye]. In: *Zhongguo shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo* [Institute of archaeology, Chinese academy of social sciences], *Zhongguo shehui kexueyuan lishi yanjiusuo* [Institute of history, Chinese academy of social sciences], *Hunan sheng wenwu kaogu yanjiusuo* [Hunan provincial institute of cultural relics and archaeology] (eds), *Liye gucheng, Qin jian yu Qin wenhua yanjiu: Zhongguo Liye gucheng, Qin jian yu Qin wenhua guoji xueshu yantaohui lunwenji* [Studies on The Ancient Town of Liye, Qin Documents and Qin Culture: Proceedings of the International Conference on China's Ancient Town of Liye, Qin Documents and Qin Culture]. Beijing, 196–200.
- 彭浩《讀里耶秦簡“校券”補記》，《里耶古城、秦簡與秦文化研究：中國里耶古城、秦簡與秦文化國際學術研討會論文集》。北京，196–200。
- Perelomov, L. 1962: *Imperiya Tsin – pervoe tsentralizovannoe gosudarstvo v Kitae* [The Qin Empire – The First Centralized State in China (221–202 B.C.)]. Moscow.
Переломов, Л. С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.). Москва.
- Pines, Y. 2017: *The Book of Lord Shang: Apologetics of State Power in Early China*. New York.
- Qiu, X. 1974: [A study of documents on bamboo and wood excavated from the Han tomb no. 10 at Fenghuangshan, Jiangling, Hubei Province], *Wenwu* [Cultural relics] 7, 49–63.
- 裘錫圭《湖北江陵鳳凰山十號漢墓出土簡牘考釋》，《文物》1974年第7期，49–63。
- Scheidel, W. 2015: State revenue and expenditure in the Han and Roman Empires. In: W. Scheidel (ed.), *State Power in Ancient China and Rome*. Oxford, 150–180.
- Schumpeter, J. 1991: *The Economics and Sociology of Capitalism*. Princeton.
- Shelach, G. 2014: Collapse or transformation? Anthropological and archaeological perspectives on the fall of Qin. In: Yu. Pines, L. von Falkenhausen, G. Shelach, R.D.S. Yates (eds), *Birth of an Empire: The State of Qin Revisited*. Berkeley–Los Angeles–London, 113–138.
- Shi, Y. 2015: [A preliminary study of property census regime under Qin and Han], *Hanxue yanjiu* [Studies in sinology] 33, 1–32.
- 石洋《秦漢財產調查制度初探》，《漢學研究》，第33輯，1–32。
- Sun, K. 2004: *Qin huiyao* [Essentials of the Qin Regime]. Shanghai.
孫楷《秦會要》，上海。
- Teiwes, F. 1987: Establishment and Consolidation of the New Regime. In: R. MacFarquhar, J. Fairbank (eds) *The Cambridge History of China*. Vol. 14: *The People's Republic*. Pt. I: *The Emergence of Revolutionary China 1949–1965*. Cambridge, 51–143.

- Teng, M. 2003: *Qin wenhua: cong fengguo dao diguo de kaoguxue guancha* [Qin culture from a vassal state to the empire: An archaeological study]. Beijing.
 滕銘予《秦文化：從封國到帝國的考古學觀察》。北京。
- Teng, M. 2014: From vassal state to Empire: an archaeological examination of Qin culture. In: Yu. Pines, L. von Falkenhausen, G. Shelach, R.D.S. Yates (eds), *Birth of an Empire: The State of Qin Revisited*. Berkeley—Los Angeles—London, 71–112.
- Tsuchiguchi, F. 2015: [Subprefectural bureaucratic organization in the Qin empire as reflected by the Liye Qin documents], *Tōyō shi kenkyū* [Studies in the History of Orient] 73.4, 1–38.
 土口史記「里耶秦簡にみる秦代県下の官制構造」『東洋史研究』七三—四、1–38。
- Wang, H. 2007: Official Salaries and Local Wages at Juyan, North-West China, First Century BCE to First Century CE. In: J. Lucassen (ed.) *Wages and Currency: Global Comparisons from Antiquity to the Twentieth Century*. Bern—Berlin, 59–76.
- Watanabe, S. 2010: *Chūgoku kodai no zaisei to kokka* [Finance and the State in Ancient China]. Tokyo.
 渡辺信一郎『中国古代の財政と国家』。東京。
- Yamada, K. 1993: *Shin Kan zaisei shūnyū no kenkyū* [Studies in the financial incomes and expenditure in the Qin and Han empires]. Tokyo.
 山田勝芳『秦漢財政收入の研究』。東京。
- Yan, G. 1961: *Qin Han difang xingzheng zhidu* [Local Administrative Regime in the Qin and Han Empires]. Taipei.
 嚴耕望《秦漢地方行政制度》。台北。
- Yang, Z. 2008: [Collection of land tax in the Qin and Han periods as reflected in the newly excavated texts on bamboo and wooden slips]. *Jianbo* [Texts on Bamboo and Silk] 3, 331–342.
 楊振紅《從新出簡牘看秦漢時期的田租徵收》，《簡帛》第三輯，武漢，331–342。
- Yang, Z. 2009: [“Statutes and ordinances of the second year” and the “ming tian zhai” system in the Qin and Han empires]. In: Z. Yang, *Chutu jiandu yu Qin Han shehui* [Excavated Documents on Bamboo and Wood and the Qin-Han Society]. Guilin, 126–186.
 楊振紅《二年律令》與秦漢“名田宅制”，《出土簡牘與秦漢社會》，桂林，126–186。
- Zhao, H. 2001: [Conflict and merging between the Qin culture and the cultures of the “six states” before and after the Qin unification]. In: *Su Bingqi yu dangdai Zhongguo kaoguxue* [Su Bingqi and Contemporary Archaeology in China]. Beijing, 619–632.
 趙化成《秦統一前後秦文化與列國文化的碰撞及融合》，《蘇秉琦與當代中國考古學》，北京。
- Zhao, H. 2014: New explorations of early Qin culture. In: Yu. Pines, L. von Falkenhausen, G. Shelach, R.D.S. Yates (eds), *Birth of an Empire: The State of Qin Revisited*. Berkeley—Los Angeles—London, 53–70.

Сокращения / Abbreviations

- Hanshu* — *Hanshu* [Book of Han]. Beijing, 1962.
 《漢書》。北京。
- Hunan chutu jiandu* — Zheng, S., Zhang, C., Song, S., Huang, P. (eds), *Hunan chutu jiandu xuanbian* [Selected Excavated Documents from Hunan]. Changsha, 2013.
 鄭曙斌、張春龍、宋少華、黃樸華主編《湖南出土簡牘選編》。長沙。
- Liye* — Chen, W. (ed.), *Liye Qin jiandu jiaoshi* [Qin Documents from Liye, Edited and Annotated]. Vol. 1. Wuhan, 2012.
 陳偉主編《里耶秦簡牘校釋》。武漢。
- Longgang* — Zhongguo wenwu yanjiusuo [Chinese institute for cultural relics], Hubei sheng wenwu kaogu yanjiusuo [Hubei provincial institute for cultural relics and archaeology] (eds), *Longgang Qin jian* [Qin Documents on Bamboo Slips from Longgang]. Beijing, 2001.
 中國文物研究所、湖北省文物考古研究所主編《龍崗秦簡》。北京。
- Shangjun shu* — Jiang, L. *Shangjun shu zhuzhi* [Annotated Book of Lord Shang]. Beijing, 1986.
 蔣禮鴻《商君書錐指》。北京。
- Shiji* — *Shiji* [Historical records]. Beijing, 1959.
 史記》。北京。
- Shuowen* — *Shuowen jiezi* [Discussing graphs and explaining characters]. Beijing, 2004.
 說文解字》。北京。

Shuihudi

- Shuihudi Qin mu zhujian zhengli xiaozu [Editorial group for the documents on bamboo slips from the Qin tomb at Shuihudi] (ed.), *Shuihudi Qin mu zhujian* [*Documents on Bamboo Slips from the Qin Tomb at Shuihudi*]. Beijing, 1990. 睡虎地秦墓竹簡整理小組主編《睡虎地秦墓竹簡》。北京。

Zhangjiashan

- Peng, H., Chen, W., Kudō, M. (eds), *Ernian lüling yu Zouyanshu: Zhangjiashan ersiqihao Han mu chutu falü wenxian shidu* [*The Statutes and Ordinances of the Second Year and The Collected Cases Submitted for Revision: Annotated Legal Manuscripts Excavated from the Han Tomb No. 247 at Zhangjiashan*]. Shanghai, 2007. 彭浩、陳偉、工藤元男主編《二年律令與奏讞書：張家山二四七號漢墓出土法律文獻釋讀》。上海。